

DOI:10.17308/978-5-9273-3693-7-2023-252-256

ЛАНДШАФТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ УЙМОНСКОЙ КОТЛОВИНЫ И ЕЕ ГОРНОГО ОБРАМЛЕНИЯ)

LANDSCAPE PREFERENCES OF LOCAL COMMUNITIES AND NATURAL-MANAGEMENT SYSTEM FORMATION (BY THE EXAMPLE OF THE UIMON DEPRESSION AND ITS SURROUNDING MOUNTAINS)

Лубенец Л.Ф.¹, Черных Д.В.^{1 2}
Lubenets L.F.¹, Chernykh D.V.^{1 2}

e-mail: lilia_lubenets@mail.ru

¹Институт водных и экологических проблем СО РАН, Россия, Барнаул

²Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

¹Institute for Water and Environmental Problems SB RAS, Barnaul, Russia,

²Altai State University, Barnaul, Russia

Аннотация. Представлен анализ ландшафтных предпочтений местных сообществ и формирования природно-хозяйственных систем (ПХС) Уймонской котловины и ее горного обрамления. Установлено, что ландшафтная обстановка в Уймонской котловине, благоприятная для земледелия, способствовала формированию в ее пределах, начиная с конца XVIII – начала XIX вв., ПХС современного типа. Основу пространственной структуры данной ПХС составляли пригодные для распашки геосистемы. Оформление структуры ПХС произошло уже к началу XX в. В дальнейшем эта структура лишь модифицировалась.
Abstract. The landscape preferences of local communities and the formation of natural- management systems (NES) of the Uimon depression and its surrounding mountainous were analyzed. It was found that favorable for agriculture landscape conditions contributed to the modern NES formation within the depression boundaries in the end of the 18th and the beginning of the 19th centuries. Suitable for plowing geosystems became the basis of the NES spatial structure. The NES was formed already by the beginning of the 20th century and thereafter just modified.

Ключевые слова: природно-хозяйственные системы, горные ландшафты, Сибирь, Уймонская котловина
Keywords: Nature-management systems, mountain landscapes, Siberia, Uimon depressions

Поведение человека в ландшафте, в значительной мере, определяется традициями его этнокультурной группы. Анализ территориальной организации природопользования традиционно раскрывается через понятие природно-хозяйственной системы (ПХС). Однако при хорошей проработке концепций различного рода ПХС остается актуальным вопрос о практических способах их выделения. Действительно, в большинстве случаев операционные ячейки для территориального анализа природопользования, будь то природные или административные единицы, задаются изначально – сверху, без аргументированного обоснования причин их обособления.

В этой связи представляет интерес, предложенный нами ранее на материале по горным территориям Алтая и всей российской части Алтае-Саянского региона, алгоритм, обосновывающий выделение субрегиональных ПХС [24]. Ключевым в этом алгоритме является анализ территории в плоскости субординационных, с позиций хозяйственной значимости, отношений между элементами ландшафтной структуры. Для корректного разграничения субрегиональных ПХС целесообразно вычленение таких территориально локализованных характеристик, которые, на протяжении ограниченного периода исследования промежуток времени, определяют и определяют направления, возможности и приоритеты хозяйственного освоения, т.е. являются своеобразными центрами тяготения (ЦТ) для хозяйствующих субъектов и интеграции для группы смежных ландшафтов [23].

В горах Южной Сибири формирование ПХС современного типа началось с появлением русских, после чего существовавшие до этого традиционные ПХС кочевников, в той или иной степени, трансформировались и усложнились. Этот процесс мог происходить относительно безболезненно, так как ландшафтные предпочтения коренных (кочевых) и пришлых (преимущественно, земледельческих) групп населения не совпадали. Однако имели место и территориальные конфликты, например, в межгорных котловинах, ландшафты которых пригодны для земледелия и скотоводства.

Межгорные котловины – характерный элемент ландшафтной структуры гор Алтая. Однако не все они, в силу значительной выраженности котловинного эффекта и сухости климата, благоприятны для земледельческого освоения. К наиболее подходящим для этих целей котловинам на Алтае относится Уймонская, на примере которой можно наглядно проследить процесс формирования ПХС современного типа.

Черноземные почвы Уймонской котловины, формирующиеся на полигенетических отложениях, нередко перекрытых лессовидными суглинками и супесями, характеризующимися высоким естественным плодородием, и плоский либо слабоволнистый рельеф вполне отвечают требованиям земледелия. Однако до появления русских алтайцы занимались здесь экстенсивным кочевым скотоводством. Дополнительным занятием являлся лесной промысел – охота, сбор дикоросов, кедрового ореха. Скотоводство давало почти все необходимое для жизни: пищу, материал для одежды, средства передвижения, материал для оборудования жилища [22]. Представители алтайского населения разводили овец,

коз, лошадей, реже крупный рогатый скот, верблюдов и яков [3]. В котловине в это время отсутствовали населенные пункты, а геосистемы использовались алтайским населением в качестве кормовой базы для кочевого скотоводства. Хозяйство велось очень примитивным способом – скот круглый год кормился на подножном корму. Алтайцы вместе со стадом переходили с одного участка на другой на расстоянии 20-30 км [22]. Благодаря своим убеждениям, они брали от природы лишь незначительную долю того, что она могла дать, считая, что каждый предмет на Земле имеет душу. «Наврeдив природе, погубишь часть себя!», утверждали кочевые жители Алтая. Земледелие у представителей алтайского этноса до прихода русских было в зачаточном состоянии и не играло существенной роли.

Первыми русскими у южных границ Алтая были беглые государственные и заводские крестьяне, которые спасались от изнурительного труда на рудниках и заводах Алтайского округа, и раскольники-старообрядцы, которые скрывались от церковных гонений. «Беловодцев» – так иногда называли раскольников-старообрядцев, территория привлекала тем, что это земля «в непроходимых загадочных дебрях у подножья снежных алтайских Альп», в плодородной долине великой реки [13], где «специально для раскольников не существует Никоновской церкви» и «где хорошо живется» [26]. «Дикая первозданная природа была так богата и так щедра к новым людям, пришедшим в долину, что они долгое время считали перешедшее к ним от кыпчаков и тодошей слово «уймон» однокоренным с русским «уйма» – в том смысле, что всего в благодатной долине для них было вдоволь, в достатке, и они благодарили Бога, открывшего им эту «пустынь тишайшую» [9]. Однако долгое время русское население было немногочисленно и не оказывало существенного влияния на ландшафты Уймонской котловины. Во второй половине XVIII столетия небольшие заимки русских стали появляться в местах временных остановок алтайцев. Формирование ПХС современного типа в котловине, основу которой составляют пахотные земли, началось в самом конце XVIII в. Процесс этот можно разделить на несколько этапов.

Правительство было заинтересовано в заселении русскими Алтая, поэтому началом *первого этапа*, длившегося всю первую половину XIX в., можно считать 1798 г., когда был издан манифест, на основании которого старообрядческое население было принято в подданство России в качестве «оседлых алтайцев». По мнению Устиновой Л.А. [22], одна из групп раскольников-старообрядцев по требованию правительства должна была поселиться в «высокогорной Уймонской степи». В результате чего и было основано селение Верхний Уймон – первый пункт с оседлым населением в Ойротии. После этого старожилы (они же «правильные староверцы», «вольные каменщики» или «ясачные каменщики», «стариковские»), принявшие российское подданство в качестве «оседлых алтайцев», [9; 17; 22], и не только они, стали активно заселять котловину. Так, в западной части котловины образовалось поселение Усть-Кокса (первыми жителями которого были шорцы Кузнецкого уезда, причиной переселения для них было уменьшение зверя в Кузнецкой черни), в восточной части – Нижней Уймон (основанный крестьянами Каинского округа, Томской губернии) [22].

Тем не менее, в первые десятилетия XIX в. земледельческие угодья не имели в Уймонской котловине значительного распространения и занимали лишь прилегающие к оседлым населенным пунктам территории [22]. Вероятно, это было связано не только с малочисленностью населения, но и с суровым климатом Малого ледникового периода, продолжавшегося до середины XIX в. Так, К.Ф. Ледебур во время своего путешествия на Алтай в 1826 г. отмечал, что суровый климат не позволял и думать о возможности постоянной земледельческой культуры в Уймонской котловине. По его словам, пшеницы здесь не сеют совсем, рожь поспевает также не каждый год, как, например, в 1825 году, когда она вся погибла от мороза [10].

То, что в первой половине XIX в. на Алтае действительно было существенно холоднее, подтверждают слова все того же Ледебура и других путешественников, посещавших Алтай в это время. Все они отмечают массовую гибель деревьев на вершинах всех средневысотных хребтов, что можно объяснить только понижением верхней границы леса в результате похолодания. При этом, Ледебур отмечает, что, несмотря на суровые условия, крестьяне в Уймонской котловине живут в очень большом достатке, держат по многу скота, да и охота приносит им богатую добычу. При этом главный доход дает охота на маралов [10].

Ландшафты Уймонской котловины на первом этапе формирования ПХС современного типа продолжают в значительной мере сохранять естественный облик. Так, по мнению П.И. Шангина днище Уймонской котловины в 1786 г. было порыто степной растительностью: «Горы довольно изрядно покрыты лесом, равнина же совсем пуста, только по ручьям, её пересекающим, видны лиственницы и берёзы...» [ссылка по 1]. Спустя полвека, в 1836 г., Геблер отмечал, что Уймонская степь «была поросшею невысокой травой, покрытой лиственничным лесом. Еще через 20 лет, в 1856 г., инженер Ковригин, указывает на лесную растительность из пихты, ели, лиственницы, березы и, реже, сибирского кедра, приуроченную только к поперечным долинам левых притоков Катуня, прорезающих Уймонскую степь [ссылка по 16].

С окончанием Малого ледникового периода начинается *второй этап* формирования ПХС современного типа в Уймонской котловине. Рост населения в это время также связан с реформами 1860-х годов, началом более планомерной колонизации Алтая, а также развитием торговых путей и желанием правительства укрепить южные границы России, а как следствие, планированием новых населенных пунктов, в том числе по Уймонскому тракту, связывающему Уймонскую котловину через Коксу,

Чарыш и Ануй с равниной. В котловине началось расселение по притокам р. Катунь и образование в долинах этих рек заимок. Самая старая заимка – Теректа, постепенно стала деревней, первым из жителей которой был выселившийся верхуймондец для занятия пчеловодством. В начале 70-х гг. верхуймонцами был образован выселок – Горбунова на устье р. Теректы, куда затем переселились русские переселенцы. Из Нижнего Уймона жители выселились на р. Мульта, и в последствии выселок стал носить одноименное реке название [7].

За вторую половину XIX в. в Уймонской котловине появилось 9 поселений [17-22]. Как отмечал в самом начале XX в. В.В. Сапожников, Уймонская котловина представляет в тот период времени последнее и самое высокое населенное место – оазис среди окружающих высоких и частью снежных гор с довольно густым населением. По словам Сапожникова, «основное население составляют раскольники, но в последние годы селятся и православные переселенцы» [15, С. 124].

Постепенно русские крестьяне начали превращать регион в пашенный с набором практически всех культур, бытовавших в ранее освоенных регионах Сибири и Европейской России. Для всех жителей котловины основным занятием становится хлебопашество. По данным Л.А. Устиновой [22], к концу XIX в. – это было «главное земледельческое пятно в центральной Ойротии», при этом если во всем Алтае в 1897 г. занимались земледелием 50 % хозяйств, то в пределах Уймонской степи – до 80 %. Распашке земель подвергалась значительная часть днища котловины и, как отмечает В.В. Сапожников, в результате этого котловина становится «почти совершенно безлесна: лиственницы появляются только по склонам гор, которые более или менее затенены, да узкими полосами обозначают течение притоков Катунь. Правая сторона Катунь гораздо богаче лесом (преимущественно лиственницей)», где образовались небольшие «степные бухты по течению Б. Окола, М. Окола и Муюты» [15].

Важной составляющей в развитии хозяйственной деятельности становится сооруженная и развернутая в Уймонской котловине оросительная система («Засух здесь не боятся, потому что всюду устроено искусственное орошение арыками... Левые притоки Катунь: Баштала, Кастахта, Терехта, Дженджек и Маргала вырвавшись из тесных долин... извилистыми руслами проходят степь в поперечном направлении и довольно хорошо орошают ее» [15, С. 124-26].

Русское крестьянское животноводство развивалось на основе местных алтайских скотоводческих традиций. Скот, прежде всего, лошадей, покупали у джунгар и телеутов. Коневодство приобрело преимущественное значение, поскольку оно обеспечивало хлебопашцам тягловую силу [26]. Кроме лошадей, русские крестьяне занимались разведением крупного рогатого скота, овец, коз, свиней. Охота, рыболовство и другие виды промыслов в это время в жизни крестьян имели подсобное значение

Параллельно начинают развиваться новые сельскохозяйственные направления. Так, например, появляется мараловодство. Населением организуются маральники или, как их тогда называли, «маральи сады» размером «от 4 до 30-50 и даже до 100 десятин, которые, как правило, устраивают «в полугоре или у подошвы гор с таким расчетом, чтобы иметь незамерзающий ключ и в летнее время достаточную тень для маралов» [6, С. 3-4]. Первых диких маралов в «урочище Терехты» привели из «Китайских предгорий» [6]. и к концу XIX в. их поголовье в «левобережном районе», где сформировался основной центр мараловодства Алтая, включающий населенные пункты Верхний Уймон, Нижний Уймон и Усть-Кокса с принадлежащими к ним заимками-поселками, насчитывалось 710 штук – 68,2 % всех маралов Алтая [2].

С переходом алтайского населения «к трудовому началу в сфере землепользования» появляются новые формы, позволяющие разделить территорию на отдельные участки. Так возникают различия в пользовании зимними и летними стойбищами. «Зимовки» устраиваются вблизи сенокосов, которые большей частью приходится огораживать, и имеют постоянные постройки – пригоны, стайки и т.п. «Летовки» – места, где располагается только аил и нет ограждений, но на эти участки имеется право «первого захвата» и на следующий год здесь может быть другой хозяин. Устраивая «городьбу» население не заботится о соседе – «не справляясь с тем, производит ли он для себя городьбу или нет» [2, С. 147-148]. В связи с чем, между жителями часто возникают конфликты. Как утверждает С.П. Швецов [2], до шестидесятых годов XIX в. между русскими и окрестными инородцами, по-видимому, не возникало скольконибудь серьезных недоразумений и столкновений из-за пользования землей. Но затем среди оседлых инородцев возникло движение из Верхнего Уймона и Усть-Коксы. На почве захвата этими заимками-поселками земель инородцев и возникают недоразумения, носящие в одних случаях весьма острый и тяжёлый характер, в других, «благодаря мягкому устойчивому характеру калмык, они легко улаживаются и затихают». Последние настаивают на том, что «они здесь давно живут... и границы их землепользований были значительно шире теперешних». Русские же «силою разламывая» алтайскую поскотину и «производя свои посевы на их землях», переходили на земли алтайцев, объясняя действия тем, что их пашня располагается в менее защищенном от ветра открытом месте, и «хлеба подвергались вымерзанию». У алтайцев же пашня находится у подножья Терехтинского хребта, предохраняющего от ветров, поэтому они имеют полное права сдвинуть участки землепользований [6, С. 167-168].

Можно сказать, что в целом оформление ПХС современного типа в Уймонской котловине произошло уже к началу советской эпохи. Во время *третьего (советского) этапа* структура ПХС, несмотря на социально-экономические изменения и потрясения не претерпела коренных трансформаций. Признание алтайцев равноправными в единой семье народов Советского Союза, переход их на осед-

лый образ жизни, гражданская война, коллективизация, механизация сельского хозяйства, освоение целины – все это не изменило структуру ПХС, происходили лишь некоторые ее модификации.

Основным занятием населения все также является земледелие. Населением создан особый сорт скороспелой пшеницы «уймонка». Использование сельскохозяйственных машин и удобрений приводит к еще большему увеличению посевных площадей [2]. Так, на основе сравнения картографического материала 1910 и 1952 гг. [5; 8] можно говорить об увеличении площади пашни на днище Уймонской котловины за этот период примерно на 30 %. Расширение произошло как на левобережье р. Катунь за счет шлейфовых и пологосклонных геосистем на участках в большей степени вблизи населенных пунктов Маргала, Чендек и Терехта, в меньшей – Курунда, Кастахта и Баштала, так и на правобережье – на надпойменных террасах Катунь и шлейфах в окрестностях Верх-Уймоны и Тихонькой, где в 1910 г. еще отмечался лиственный лес [5].

В последние десятилетия существования СССР площадь распаханной территории продолжает увеличиваться, хотя и незначительно, главным образом, за счет покатых склонов в северной части котловины (вблизи населенного пункта Курунда). Происходит интенсификация животноводства. Развиваются такие отрасли, как овцеводство (в значительной степени), мараловодство, коневодство, разведение крупного рогатого скота. Площади пастбищ и сенокосов увеличиваются за счет вовлечения в оборот геосистем узких долин и среднекрутых склонов на окружающих котловину Катунском и Терехтинском хребтах.

С советское время в Уймонской котловине появляется несколько новых поселений. Вообще для этого этапа (его первой половины) характерно наибольшее количество поселений, некоторые из которых к концу XX в. исчезли, например, Бузулаево и Яма, которые отмечены на карте 1952 г. [8], но уже их нет в списке населенных пунктов конца XX в. Населенные пункты располагаются плотно и представляют собой достаточно крупные поселения [8, 25].

Со времени коллапса СССР начинается новый – **четвертый** – этап формирования ПХС Уймонской котловины. В 1992 г., были проведены приватизация и перераспределение около 30 % сельскохозяйственных угодий. Появились новые и достаточно многочисленные формы землепользователей. В 1993 г. созданные в результате реорганизации совхозов сельскохозяйственные организации приняли организационно-правовую форму – товарищество на вере. Причем они занимали основную часть земель сельскохозяйственного назначения. В 1996 г. были образованы сельскохозяйственные кооперативы, акционерные общества и товарищества. Около 80 % земель сельскохозяйственного назначения приходилось на долю последних. В течение последующих двух лет между сельскохозяйственными кооперативами и акционерными обществами района произошло существенное перераспределение земель [4, 14].

Общая площадь пашни сокращается, наибольший удельный вес в структуре посевных площадей занимают многолетние травы и зерновые культуры. Силосные культуры занимают незначительные доли. В структуре сельскохозяйственных угодий в целом основная доля приходится на пастбища – порядка 50 % [14]. Быстрыми темпами развиваются предприятия по разведению КРС молочного направления. Важнейшим видом продукции животноводства, производимым в пределах территории, становятся консервированные панты марала. Наряду с этим, население занимается производством шерсти, меда, мяса маралов и овец. Начиная с 90-х гг. XX в., со времени разрушения совхозной системы, прослеживается заметный возврат к этническим традициям в сфере ведения хозяйства [11-12].

Выводы. Ландшафтная обстановка Уймонской котловины, благоприятная для земледелия, способствовала формированию в ее пределах, начиная с конца XVIII – начала XIX вв., ПХС современного типа.

Основу пространственной структуры данной ПХС составляли пригодные для распашки геосистемы. На протяжении XIX и большей части XX вв. в обработку вовлекалось все большее количество земли. Этому способствовало ряд факторов: потепление климата, институциональные изменения, увеличение количества населения, совершенствование технологий обработки земли.

Оформление структуры ПХС произошло уже к началу XX в. В дальнейшем эта структура лишь модифицировалась.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Института водных и экологических проблем СО РАН (№ FUFZ-2021-0007)

Литература

1. Гармс, О.Я. Самоцветное путешествие обер-гиттенфервальтера П.И. Шангина (к 227-летию его знаменитой экспедиции 1786 года) / О.Я. Гармс // Труды Тигирекского заповедника. Вып. 6. – Барнаул, 2013. – 310 с.
2. Горный Алтай и его население. Том I: Кочевники Бийского уезда. Выпуск I / Составитель С.П. Швецов. – Барнаул : Типография Главного Управления Алтайского округа. 1900. – 447 с.
3. Из прошлого Горного Алтая / Под ред. В.А. Салтаева. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское от-е Алт. кн. изд-ва, 1976. – 265 с.
4. Информация за 2019 год по виду деятельности «Сельское хозяйство» МО «Усть-Коксинский район» // Сельское хозяйство. Администрация Муниципального образования Усть-Коксинского района : официальный сайт. – URL: <https://ust-koksaltaiy.ru/about/selskoe-khozyaystvo/> (дата обращения: 03.03.2023). – Текст: электронный.
5. Карта Горного Алтая Ведомства Кабинета Его Величества (к основанию 1910 года), с показанием Схематического распределения лесов и естественно исторических районов. // ГААК. 1910. – Ф. 50.
6. Мараловодство с Семипалатинской области. – Омск : Тип Акмол Обл Правл. 1911. – 7 с.

7. Килина, Н. Дореволюционное развитие Усть-Коксинского района / Н. Килина. 2014. – URL: <http://pu2.mon-ra.ru/?p=98>(дата обращения: 03.10.2022). – Текст: электронный.
8. Куминова, А.В. Карта растительности Усть-Коксинского аймака Горно-Алтайской автономной области по материалам Геоботанической экспедиции Западно-Сибирского филиала АН СССР. Масштаба 1:1000000 / А.В. Куминова. 1952. – Карта.
9. Кучуганова, Р.П. Уймонские староверы / Р.П. Кучуганова. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2000. – 161 с.
10. Ледебур, К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / Пер. с немецк. В.В. Завалишин, Ю.П. Бубенков / К.Ф. Ледебур, А. Бунге, К. М. Мейер. – М. : Наука. 1993. – 416 с.
11. Лубенец, Л.Ф. Оценка устойчивости горных этносистем как основа природопользования горных котловин (на примере Уймонской котловины Алтая) / Л.Ф. Лубенец // Региональные проблемы. – Т. 14. – № 2. – 2011. – С. 94–101.
12. Лубенец, Л.Ф. Роль горных экосистем в обеспечении благополучия населения и адаптация традиционного горного природопользования к современным вызовам (Республика Алтай, Усть-Коксинский район) / Л.Ф. Лубенец, Д.В. Черных // Рациональное природопользование: традиции и инновации : Материалы III Международной конференции (Москва, МГУ, 20–22 октября 2022 г. – Москва : «Наука». 2022. – С. 233–238.
13. На обетованных землях (Из путешествия по Алтаю) // Сибирский сборник. – Санкт-Петербург, 1886. кн II.
14. План социально-экономического развития муниципального образования «Усть-Коксинский район» на 2008-2012 годы // Кон-тент-платформа Pandia.ru. – URL: <https://pandia.ru/text/77/225/24081.php> (дата обращения: 03.03.2023). – Текст: электронный.
15. Сапожников, В.В. Катунь и ее истоки / В.В. Сапожников // Известия Томского Университета: Т XVIII. – 1901. – С. 124–125.
16. Смирнов, В.П. О почвах западной части Горного Алтая между бассейнами рр. Катунь и Чарыша. Труды почвенно-ботаниче-ских экспедиций по исследованию колонизационных районов азиатской России. Почвенные исследования 1909 года. Вы-пуск 1. Часть 1. Под ред. Проф. К.Д. Глинки / В.П. Смирнов. – Санкт-Петербург : Типография Ю.Н. Эрлих (вл. А.Э. Коллинс), М. Дворянская, 19. – 1910. – 74 с.
17. Список населенных мест Сибирского края. Округа Юго-Западной Сибири. Том первый. – Новосибирск : Сибирский краевой Исполнительный Комитет. Статистический отдел. 1928. – 831 с.
18. Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. – Томск : Типография Губернского Правления. 1893. – 381 с.
19. Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. – Томск : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева» (Губернская Ти-пография). 1899. – 781 с.
20. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. – Томск : Издание Томского Губернского Статистического Коми-тета. Типография Губернского Управления. 1911. – 557 с.
21. Томская губерния. список населенных мест по сведениям 1859 г. – Спб. : издан центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел обработан помощником секретаря В. Зверинским. типографии: Карла Вульфа (Литейный просп. № 60), В. Безобразова и комп. (Васильевский остров, 8 линия). 1868. – 148 с.
22. Устинова, Л.А. География оседлых населенных пунктов Ойротской Автономной области / Л.А. Устинова // Вопросы геогра-фии. 1947. – Сб. 5. – С. 129–157.
23. Черных, Д.В. Пространственно-временная организация внутриконтинентальных горных ландшафтов (на примере русского Алтая) : специальность 25.00.23 : диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук / Д.В. Черных ; Томский государственный университет. – Томск, 2012. – 314 с.
24. Черных, Д.В. Ландшафтные основы формирования и оптимизации территориальной организации природопользования в го-рах (на примере гор Южной Сибири) / Д.В. Черных // Известия АО РГО. – 2016. – № 2 (41). – С 22–31.
25. Численность, размещение населения, возрастно-половой состав по Республике Алтай: Стат. сборник Комстат Республики Алтай. Горно-Алтайск : Комитет государственной статистики Республики Алтай. – 2004. – Т.1. – 168 с.
26. Шмурло, Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе / Е.Ф. Шмурло // Записки Западно-Сибир-ского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. 25. – Омск: Тип. Окружин. Штаба. 1898. – С. 1–64.